
Жанна
Пестряева
Цена
доброты
Иногда добро
оборачивается обвинением...

Жанна Пестряева
Цена доброты.

https://litres.ru/74784699
SelfPub; 2026

Аннотация

Вика привыкла помогать людям. Она не умеет проходить мимо чужой беды и верит, что даже небольшой добрый поступок способен изменить чью-то жизнь.

Однажды обычная находка становится началом истории, к которой Вика совсем не была готова. Впереди её ждут непростые испытания, неожиданные встречи и решения, от которых зависит не только её собственное будущее.

На пути девушки появятся люди, способные удивить и разочаровать, те, кому придётся отвечать за прошлые поступки, и человек, рядом с которым она впервые за долгое время сможет почувствовать себя защищённой.

Но всегда ли доброта вознаграждается? Можно ли простить того, кто однажды причинил боль? И как не потерять веру в людей, когда жизнь проверяет тебя на прочность?

Это история о непростом жизненном выборе, раскаянии и надежде. О том, что доброта не всегда приносит благодарность, но всё-таки не теряет своей ценности.

Содержание

Глава 1. Доброе дело с непредсказуемыми последствиями. 4
Глава 2. Папа, который не любил быть слабым. 12
Глава 3. Пятьсот рублей против пятидесяти тысяч. 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Жанна Пестряева
Цена доброты.

Глава 1. Доброе дело с непредсказуемыми последствиями.

У Вики было одно досадное свойство: она не умела проходить мимо чужих неприятностей. Иногда ей даже казалось, что эти неприятности специально дежурят на её пути, сверяясь с расписанием. Стоило ей решить, что сегодня она займётся исключительно собственными делами, как жизнь тут же подсовывала кого-нибудь, кому требовалась помощь.

Впрочем, её жизнь вообще отличалась дурным чувством юмора и частенько пересекалась с людьми, которых нужно было выручить.

В тот день Вика спешила на автобус. Утро выдалось хмурым: ветер гонял по тротуару пожухлые листья, а небо висело над городом низко и неприветливо, словно кто-то наверху забыл выключить серый фильтр. Вика подняла воротник куртки, перехватила поудобнее сумку и прибавила шагу.

До автобуса оставалось минут пять. Если повезёт — успеет. Если нет — придётся ждать следующий и заодно выслу-

шивать от самой себя ворчание о том, почему нельзя было выйти из дома хотя бы на десять минут раньше.

Вика умела быть строгой, особенно к себе. К другим она относилась куда снисходительнее, что, по её наблюдениям, было большой ошибкой. Но исправлять её Вика пока не собиралась.

Возле остановки она заметила скамейку. На ней лежал кошелёк. Сначала Вика прошла мимо, сделала ещё два шага, остановилась и оглянулась.

Кошелёк лежал спокойно, без малейших признаков беспокойства. Видимо, его хозяин пока не подозревал о пропаже и не собирался поднимать тревогу.

— Ну вот, — пробормотала Вика. — Только тебя мне и не хватало.

Она огляделась. Неподалёку на остановке стояли несколько человек: мужчина в наушниках изучал экран телефона, женщина поправляла шарф ребёнку, пожилой мужчина недовольно смотрел на дорогу, ожидая транспорт. Никто не хватался за карманы, не обыскивал сумку и не бегал кругами с выражением человека, у которого только что рухнуло всё спокойствие.

Вика вернулась к скамейке.

Кошелёк был добротный, тёмно-коричневый, из хорошей кожи. Не новый, но ухоженный. Такие вещи обычно покупают не на сдачу после похода в магазин. Вика осторожно взяла его в руки, ещё раз посмотрела по сторонам и открыла.

Внутри лежали банковские карты, какие-то квитанции, несколько бумажек и деньги.

Пятьсот рублей. Вика пересчитала купюры, хотя сумма была настолько скромной, что пересчёт больше напоминал проверку собственного зрения.

— Пятьсот рублей, — сказала она тихо. — Ну, хозяин, конечно, не обанкротится, если я его оставлю себе. Но всё-таки…

Она не договорила.

Дело было даже не в деньгах. Кошелёк мог принадлежать человеку, который сейчас нервничал, ругал себя за рассеянность и пытался вспомнить, где в последний раз доставал его из кармана. Возможно, ему предстояло оплачивать покупки, ехать домой или забирать ребёнка. А может, он вообще не заметил пропажи и обнаружит её только на следующий день, когда подойдёт к кассе в каком-нибудь супермаркете.

Вика знала, как неприятно терять даже небольшую вещь, когда в голове и без того слишком много забот.

Она сунула кошелёк в сумку и посмотрела на дорогу.

Автобус как раз показался из-за поворота. Вика подняла руку. Транспорт остановился у края тротуара, двери раскрылись, и несколько человек поспешили внутрь.

Вика зашла и села на свободное место. Автобус тронулся. В сумке лежал чужой кошелёк, а вместе с ним — ещё одна задача, которую никто не просил её решать.

Дома Вика принялась разбирать содержимое. Фамилия

владельца нашлась на банковской карте: Смирнов Борис Андреевич. На одной из бумажек был указан номер телефона. Вика позвонила, но никто не ответил. Она присела на диван и задумалась.

Вообще-то у неё были дела поважнее: купить продукты, разобраться с документами, позвонить в поликлинику и узнать, не изменилось ли что-нибудь в лечении с отцом. Последний пункт беспокоил её больше остальных. С отцом в последнее время не было ничего простого — ни разговоров, ни лечения, ни планов на будущее. Но если одновременно вспоминать обо всём, можно просто сесть в кресло и ждать, когда проблемы сами рассосутся. Поэтому Вика решила действовать по очереди. Первым пунктом был супермаркет. Выбирать продукты она любила.

Она уже выходила из магазина, когда телефон завибрировал. Номер был незнакомый.

— Алло?

— Добрый день.

— Добрый, — сказала Вика, как бы сомневаясь, действительно ли он добрый. — А вы кто?

— Это Борис Андреевич Смирнов.

Голос у мужчины оказался низким, уверенным и каким-то недовольным уже с первого слова. Так разговаривают люди, которые привыкли, что мир обязан объясняться перед ними за всё, что происходит вокруг.

— Да, добрый, — теперь Вика заговорила уверенно. —

Я нашла на остановке ваш кошелёк. Проверила документы, увидела вашу фамилию.

— Надо же! — голос заметно оживился. — А я ищу его везде. Все карманы проверил, сумки. Оказывается, потерял. Девушка, где вы сейчас?

Вопрос прозвучал так, словно она уже опаздывала на назначенную встречу, о которой даже не подозревала. Вика назвала улицу.

— Я вынужден попросить вас об одолжении. Привезите его мне.

Вика помолчала.

— Простите, не поняла. Привезти? А куда?

— Домой. Адрес сейчас продиктую.

Он произнёс это совершенно спокойно и уверенно, будто Вика была курьером, который доставил заказ не в тот подъезд.

Она почувствовала, как внутри начинает закипать. Не потому, что ей было жалко времени, — хотя времени у неё действительно было немного. Просто в голосе мужчины не прозвучало ни благодарности, ни даже обычного человеческого смущения от того, что незнакомому человеку приходится заниматься его проблемой.

— Борис Андреевич, я могу вернуть кошелёк, конечно. Но, может быть, вам удобнее встретиться где-нибудь в центре?

— Мне, к сожалению, неудобно. Я не могу. Как вас зовут?

— Какая разница? — Вика почувствовала, что накатывает раздражение. Она прикрыла глаза. — Я вообще-то по своим делам ехала…

— Девушка, я вас прошу. Если не можете привезти сегодня, привезите завтра.

Вика молчала. Она посмотрела на небо, будто надеялась получить там подсказку.

— Хотя можете оставить его себе, если вам так трудно, — добавил голос в трубке.

Девушка выпрямилась и твёрдо сказала:

— Я не собираюсь оставлять его себе.

— Ну вот и хорошо. Тогда запишите мой адрес.

Мужчина продиктовал адрес, назвал номер подъезда и квартиры. Жил он в многоэтажном доме на другом конце города. И связь оборвалась.

Вика убрала телефон в сумку. У неё возникла мысль передать кошелёк в полицию. Она направилась к ближайшему отделению. Девушка понимала, что не обязана ехать через все пробки города по первому требованию незнакомого растеряхи.

Когда она зашла в отделение, там было многолюдно. Кричал какой-то дебошир. Полицейские грозили упрятать его в обезьянник. В воздухе висел запах дешёвого табака. Вика закашлялась. Не выдержав и пяти минут, выскочила из отделения. Ей вдруг показалось, что здесь её историю воспримут как очередную бытовую склоку, а не как попытку вернуть

чужую вещь.

Она подняла воротник, поправила ремень сумки и направилась к следующей остановке.

Ветер усилился. На перекрёстке загорелся красный свет, и Вика остановилась рядом с женщиной, которая держала в руках бумажный пакет с яблоками. Одно яблоко выкатилось на тротуар и покатилось прямо к дороге.

Вика успела поймать его у бордюра и протянула женщине.

— Спасибо вам огромное! — обрадовалась та.

— Пожалуйста, — ответила Вика.

Женщина улыбнулась и пошла дальше. Вика проводила её взглядом.

— Вот, — сказала она себе. — Видишь? Можно же просто сказать спасибо. Ничего страшного не происходит. Язык не отваливается, голос не садится. Обычная вежливость, которой нас учили в школе. Но почему Борису Андреевичу она была чужда?

«Рассеянный с улицы Бассейной», — подумала она. — А тон выбрал, как у хозяина жизни.

Дома Вика бросила кошелёк на полку для ключей и решила поскорее забыть эту историю. Но не смогла. Её совесть заговорила громко и недвусмысленно. На следующий день Вика выдвинулась из комфортного гнезда и поехала к господину Смирнову. На завтра у Вики был запланирован благотворительный день.

Иногда самые неприятные истории начинаются именно

так — с совершенно обыкновенного доброго поступка. Или с человека, который почему-то считает, что ему все должны.

Глава 2. Папа, который не любил быть слабым.

Когда Вика вернулась домой, за окном уже начинало темнеть. Осень вообще умела сокращать день без всякого предупреждения: утром ещё можно было жить по-человечески, а после обеда свет куда-то исчезал, оставляя людей наедине с фонарями, собственными мыслями и неоплаченными счетами.

Вика сняла куртку, повесила её на крючок и прислушалась. Из комнаты доносилось негромкое бормотание телевизора.

— Пап, ты не спишь?

— А чего мне спать? Я ещё не настолько старый, чтобы днём спать, а ночью вспоминать, зачем проснулся.

Вика улыбнулась. Значит, настроение у отца было более или менее сносным. Когда ему становилось совсем плохо, он обычно замолкал. А молчание отца она научилась различать ещё в детстве. Бывала тишина спокойная, домашняя, когда он читал газету или смотрел футбол. А бывала другая — тяжёлая, упрямая. Такая, словно человек запирал все свои неприятности внутри, будто боялся, что стоит открыть рот, как они тут же вывалятся наружу.

Сегодня он, похоже, выбрал сарказм. Это было неплохим знаком.

Вика заглянула в комнату.

Отец лежал на кровати, приподнявшись на подушках. Рядом на тумбочке стояли стакан воды, лекарства и тарелка с нетронутым ужином. На телевизоре какой-то ведущий с серьёзным лицом рассказывал о событиях дня, будто от его интонации зависела судьба человечества.

Отец посмотрел на дочь.

— Ну что, привезла?

— Кого?

— Как кого? Себя. Ты же утром сказала, что по делам поедешь.

— Себя привезла. В целости и сохранности.

— Уже хорошо. А то нынче всякое бывает.

— Пап, ты поел?

Отец отвёл взгляд к окну. Вика заметила, как он едва заметно поморщился, пытаясь удобнее устроить ногу под одеялом.

Она подошла ближе.

— Болит?

— Нет.

— Папа!

— Что «папа»? Я тебе говорю — нет.

— А я тебе говорю, что ты морщишься так, будто лимон проглотил вместе с кожурой.

— Вот только не надо меня лечить твоими наблюдениями. У меня врач есть. — рассердился отец.

— Прекрасно. Тогда я позвоню врачу и спрошу, почему его пациент врёт дочери.

Отец посмотрел на неё с укоризной.

— Ты с детства такая была. Всё тебе надо знать.

— Конечно. Особенно если речь о человеке, который пытается убедить меня, что ему не больно, пока у него на лбу проступает карта всех железных дорог России.

Отец не выдержал и коротко рассмеялся. Смех тут же перешёл в кашель, и Вика подала ему воду.

— Осторожнее.

— Вот видишь, — пробормотал он, сделав несколько глотков. — Сначала доведёт, потом спасает.

— Я человек широких взглядов. Сама создаю проблему, сама участвую в её решении.

Она поправила подушку у него за спиной и проверила, удобно ли лежит одеяло. Движения были привычными, почти автоматическими: подать воду, посмотреть, не закончились ли таблетки, поправить простыню, убрать с тумбочки лишнюю бумажку.

За последние месяцы Вика научилась делать всё это так, чтобы отец не чувствовал себя совсем беспомощным. Хотя иногда ей казалось, что он замечает каждое движение. И каждое воспринимает как напоминание о том, что теперь не он помогает ей, а она ему.

Раньше всё было иначе.

Когда Вика была маленькой, отец казался ей человеком, который умеет абсолютно всё. Он чинил краны, менял замки, прибивал полки и мог починить сломанную игрушку несчётное количество раз, так что сама игрушка, наверное, уже не надеялась на возвращение к жизни. Не всегда получалось аккуратно, зато с большим энтузиазмом. Если что-то не удавалось с первого раза, отец говорил, что изделие попалось упрямое, и принимался за дело снова.

Мать Вика помнила смутно. Та рано ушла из семьи, и постепенно все заботы о дочери легли на отцовские плечи. Он не любил обсуждать прошлое, а Вика со временем перестала задавать вопросы. Ей хватало того, что отец был рядом.

По утрам он провожал её в школу, проверял, застёгнут ли портфель, взяла ли сменную обувь. Перед тем как отправиться на завод, где работал токарем, целовал её в щёку и напоминал:

— Учись хорошо. Когда-нибудь, — говорил он, — ты вырастешь и поймёшь, сколько сил требуется, чтобы воспитать одного человека.

— А если я буду хорошо себя вести, это будет считаться за двоих? — спрашивала Вика.

— Нет. Это будет считаться за одного нормального.

Они оба смеялись.

В детстве Вика была уверена, что отец никогда не устанет, не заболеет и уж точно не окажется в ситуации, когда сам не

сможет подняться с кровати. Дети вообще редко представляют, что взрослые тоже могут нуждаться в помощи. Наверное, потому, что взрослые старательно скрывают от них эту простую правду.

Отец всегда работал. Неважно, было ли ему удобно, хотелось ли отдыхать или кто-нибудь предлагал отложить дело до завтра. Он считал, что человек должен сам отвечать за свою жизнь. Не жаловаться, не перекладывать заботы на чужие плечи и не ждать, что кто-то придёт и всё исправит.

Вика выросла с тем же убеждением. Только у неё к нему добавилось одно небольшое уточнение: если человек не может справиться сам, это ещё не повод оставлять его в беде.

Отец с этим уточнением был согласен далеко не всегда.

— Ты сегодня что-нибудь ела? — спросил он, возвращая стакан на тумбочку.

— Ела, — отмахнулась Вика. — Не переживай, я пока ещё способна самостоятельно найти дорогу к холодильнику.

— Это ты зря. В последнее время ты только и делаешь, что бегаешь туда-сюда. Скоро сама забудешь, как дом выглядит.

— А ты, значит, за меня переживаешь?

— А за кого мне ещё переживать? За ведущего по телевизору? Он и без меня неплохо устроился.

Вика присела на край кровати.

— Пап, я сегодня нашла кошелёк.

— Где?

— На остановке. На скамейке лежал. Внутри документы,

карточки, деньги. Нашла номер телефона владельца, позвонила ему.

— И что? Денег много?

— Нет, всего-то 500 рублей. А он попросил привезти кошелёк к нему домой.

Отец нахмурился.

— А сам приехать не может?

— Не знаю. Может, у него какие-то обстоятельства.

— Он тебе сказал, что у него обстоятельства?

— Нет. Просто попросил.

— Попросить можно по-разному.

Вика усмехнулась.

— Разговаривал так, будто я ему что-то должна.

— Не вздумай отвезти. Пусть сам приедет и заберёт.

— А если человек больной, пожилой, прикованный к кровати?

— Он тебе сказал об этом?

— Я так думаю.

— Индюк тоже думал, да в суп попал, — отец произнёс это с таким видом, будто только что представил неопровержимое доказательство. Он помолчал, потом повернулся к дочери: — Кстати о супе. Уже пора ужинать. Неси суп с курочкой, да разогрей погорячее.

Вика рассмеялась.

— Вот это уже разговор! А то всё «не хочу», «не буду», «оставь меня в покое». Стоило мне уехать, как у тебя аппетит

разыгрался.

— Я не люблю есть в одиночестве.

Сказано было буднично, без жалобы, но Вика почему-то замерла.

Она и раньше слышала от него подобные слова. Отец не любил просить о помощи, зато мог невзначай произнести что-нибудь такое, от чего у неё сжималось сердце. Он не говорил: «Мне одиноко». Он спрашивал, долго ли она будет в магазине. Не говорил: «Мне страшно». Он интересовался, останется ли она ночевать дома. Не признавался, что боится оказаться никому не нужным, а сердился, если она слишком долго возилась с документами и не садилась рядом.

Вика достала из холодильника кастрюлю, разогрела суп и поставила на стол две тарелки.

Они ели молча. За окном проехала машина, в соседней квартире кто-то передвигал стул, а телевизор продолжал рассказывать о событиях, которые казались далёкими и не имели никакого отношения к их маленькой комнате.

— Пап, — наконец сказала Вика, — завтра мне надо будет съездить в одно место. По поводу документов.

Отец отложил ложку.

— Опять? Сколько можно? Ты уже столько бумаг собрала, что из них можно ещё одну квартиру построить.

— Главное, чтобы разрешение на строительство не потребовали. — Вика улыбнулась и отломила куриную ножку.

А вот Станислав Павлович не улыбнулся.

— Может, хватит уже? — спросил он. — Вика, я вижу, как ты устаёшь. Работа, магазины, врачи, бумаги. Ты сама когда живёшь?

Вика опустила глаза в тарелку.

Вот этого разговора она боялась. Не потому, что отец был неправ, а потому, что был прав слишком сильно.

Последние месяцы её жизнь состояла из списков: купить лекарства, позвонить в поликлинику, уточнить справку, узнать, какие документы нужны для оформления ухода, проверить, не просрочен ли рецепт. Приготовить еду, постирать, уговорить отца сделать то, чего он не хотел, и при этом не поссориться с ним окончательно.

Между этими делами она пыталась работать, покупать продукты, оплачивать счета и иногда спать.

Собственную жизнь Вика словно отложила на дальнюю полку. Она знала, что там лежат её планы, желания и мечты, но сейчас до них было не добраться.

— Я живу, пап, — ответила она.

— Не надо мне рассказывать. Я же вижу.

— А что ты предлагаешь? Перестать заниматься тобой?

Она произнесла это резче, чем хотела, и тут же пожалела. Отец опустил голову. В комнате стало тихо, и даже телевизор будто заговорил тише.

Вика положила ложку на стол. Он помолчал, потом продолжил:

— Я просто не хочу, чтобы ты из-за меня всю жизнь по-

теряла.

Вика тяжело вздохнула. Она терпеть не могла эту фразу. В ней было столько беспомощности и скрытого страха, что хотелось немедленно возразить, доказать, объяснить. Но никакие слова не могли изменить того, что произошло с отцом.

Ещё недавно он ходил сам. Пусть медленно, пусть иногда останавливался передохнуть, но ходил. Потом начались проблемы с ногами. Сначала он скрывал боль, потом перестал выходить из дома, а после всё пошло так быстро, что Вика до сих пор не могла вспомнить, в какой именно момент их прежняя жизнь закончилась.

Когда-то отца избили хулиганы, отобрали зарплату, которую он нёс домой после вечерней смены. После этого у него начались проблемы с памятью. Он мог забыть дорогу домой, не сразу узнавал знакомые места, иногда терял нить разговора. В какой-то период он оказался один, без постоянного места, где можно было бы согреться и нормально лечиться. Месяцы скитаний — об этом отец говорил неохотно — сделали своё дело. Он отморозил ноги.

Долго не рассказывал дочери, насколько всё плохо. Когда Вика наконец узнала правду, часть беды уже нельзя было исправить.

Одну ногу пришлось ампутировать. Вторая почти не действовала.

Вика до сих пор помнила больничный коридор, резкий за-

пах антисептика и собственное ощущение, будто земля уходит из-под ног. Она держалась, задавала врачам вопросы, подписывала бумаги, звонила куда нужно. А потом выходила на улицу, отходила подальше от входа и плакала так, чтобы никто не видел.

Отец тоже старался держаться. Он не просил жалости. Иногда Вике казалось, что он скорее согласился бы ещё раз пережить боль, чем признать, как сильно ему страшно.

— Оглянешься потом — а годы уже прошли. Возле моей кровати, — тихо произнёс он.

Вика посмотрела на него.

— Пап, а ты помнишь, как в детстве обещал, что никогда меня не бросишь?

Он поднял на неё глаза.

— Помню.

— Так вот, я тоже не собираюсь тебя бросать. И не надо делать вид, что я совершаю подвиг. Ты мой отец. Я тебя люблю. Всё.

Последние слова она произнесла почти сердито, потому что иначе могла расплакаться.

Отец долго смотрел на неё. Потом отвернулся к окну.

Когда Вика принялась убирать посуду, он тихо добавил:

— Спасибо тебе, доченька.

Она остановилась у двери.

Отец редко называл её доченькой. Обычно он говорил «Вика», а в детстве, когда сердился, — «Виктория». Полное

имя означало, что ситуация серьёзная и шутками отделаться не получится.

Она вернулась к кровати, наклонилась и поцеловала его в лоб.

— Спи, пап. Завтра новый день.

— А кошелёк-то отвезёшь?

Вика закатила глаза.

— Ну, конечно. Отвезу.

— Ну и правильно. Чужое брать нельзя.

— Пап, я его ни у кого не брала. Я его нашла на лавке

— Тем более. Раз нашла, верни. А то потом будешь переживать.

Она посмотрела на него с недоумением. Вот уж кто умел одним предложением попасть в самую точку.

— Ты сейчас меня поддержал или отругал?

— Я тебя воспитываю. Процесс, как видишь, ещё не завершён.

— В моём возрасте, папа, уже поздно заниматься воспитанием взрослых детей.

Отец улыбнулся. Вика хихикнула.

На кухне она поставила тарелки в раковину, включила воду и несколько минут смотрела, как пена медленно стекает по белой поверхности. Потом выключила кран, вытерла руки и достала телефон.

Вика вспомнила голос Бориса Андреевича, его требовательную интонацию и отсутствие даже простого уважитель-

ного тона. На мгновение ей захотелось завтра просто выбросить кошелёк и забыть обо всей истории. Она и так слишком многим занималась, слишком часто подстраивалась под чужие обстоятельства.

Но потом вспомнила слова отца: «А то потом будешь переживать».

И поняла, что он прав. Не потому, что она была обязана спасать всех подряд. А потому, что сама не смогла бы спокойно жить, зная, что оставила чужую вещь у себя и даже не попыталась вернуть её хозяину.

Вика убрала телефон, выключила свет на кухне и пошла готовиться ко сну.

Завтра предстояла поездка к Борису Смирнову. Обычный адрес, обычный кошелёк, обычная встреча. По крайней мере, ей так казалось.

А отец, оставшись один в комнате, ещё долго не выключал телевизор. Он смотрел на экран, почти не понимая, о чём говорят, и думал о дочери. Ему хотелось снова стать тем человеком, который мог бы починить кран, донести тяжёлую сумку, встретить её вечером у остановки. И спросить, почему она опять забегалась и ест всухомятку. Ему хотелось помочь ей хоть чем-нибудь. Но пока он мог только лежать и ждать, когда она заглянет в комнату ещё раз. И это было для него тяжелее, чем он когда-либо признался бы вслух.

Глава 3. Пятьсот рублей против пятидесяти тысяч.

Утром Вика проснулась от настойчивого звука будильника. Несколько секунд она смотрела на телефон с выражением человека, которого совершенно незаслуженно вызвали на работу в его единственный выходной.

— Ну и что тебе надо? — спросила она у будильника.

Будильник, как и большинство современных устройств, не отличался тактичностью. Он продолжал звенеть, совершенно не интересуясь, выспалась хозяйка или нет.

Вика выключила его и села на кровати.

За окном было пасмурно. Ночью прошёл дождь, и теперь на подоконнике блестели мелкие капли. Во дворе дворник сосредоточенно гонял метлой мокрые листья, которые ветер тут же возвращал на прежнее место. Работа напоминала борьбу с бюрократией: усилий много, а результат существует исключительно до следующего порыва ветра.

Вика потянулась, посмотрела на часы и вздохнула. Сегодня ей предстояло ехать к Борису Андреевичу Смирнову, владельцу найденного кошелька.

Сам по себе кошелёк не представлял никакой угрозы. Кожа, карточки, документы, пятьсот рублей. Ничего такого, ра-

ди чего стоило бы устраивать детективное расследование. Но его хозяин уже успел продемонстрировать характер.

«Привезите мне домой».

Ни «пожалуйста», ни «если вам удобно». Просто распоряжение. Будто Вика не человек со своими делами, а служба доставки, которую он случайно обнаружил в телефонной книге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.